

Новая холодная война

Америка, Китай и отголоски истории

Хэл Брэндс, Джон Льюис Гэддис

Хэл Брэндс – заслуженный профессор мировой политики в Университете Джона Хопкинса, стипендиат Генри Киссинджера, и старший научный сотрудник в Американском институте предпринимательства; автор книги *The Twilight Struggle: What the Cold War Teaches Us About Great-Power Rivalry Today* («Сумеречная борьба: что мы можем узнать сегодня о соперничестве между великими державами из времён холодной войны»).

Джон Льюис Гэддис – профессор военной истории и истории ВМС в Йельском университете; автор книги *On Grand Strategy* («О большой стратегии»).

Опубликовано в журнале *Foreign Affairs* № 6 за 2021 год. © *Council on foreign relations, Inc.*

DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-1-150-165

Вступает ли мир в новую холодную войну? Наш ответ – и да и нет. Да, если иметь в виду длительное международное соперничество, поскольку холодные войны в этом смысле стары как сама история. Некоторые из них становились горячими, некоторые – нет: ни один закон не гарантирует того или иного исхода. Нет, если мы имеем в виду «холодную войну», которая породила и популяризировала сам термин. Эта борьба происходила в определённое время (с 1945–1947 по 1989–1991 гг.) между конкретными противниками (Соединёнными Штатами и Советским Союзом, а также их сторонниками) и имела конкретную повестку (баланс сил после Второй мировой войны, идеологические баталии, гонка вооружений). Сегодня ни один из этих вопросов не стоит так остро, а там, где параллели всё же существуют – растущая биполярность, усугубление полемики, обострение противоречий между автократиями и демократиями – контекст противостояния совершенно иной.

Сегодня нет сомнений в том, что США и Китай, негласные союзники в конце последней холодной войны, вступают в новую холодную войну друг с другом: о ней объявил президент Китая Си

Цзиньпин, а Соединённые Штаты приняли вызов благодаря столь редкому в наши дни двухпартийному консенсусу в Конгрессе. Что нам могут сказать об этой новой холодной войне аналогичные противостояния прошлых лет – единственная в своём роде, уникальная холодная война между США и СССР, а также многочисленные более ранние холодные войны?

Будущее, конечно, менее познаваемо, чем прошлое, но оно не во всех отношениях непостижимо. Время будет идти, закон всемирного тяготения действовать, и никто из нас не переживёт отпущенный нам физиологией срок жизни. Существуют ли такие же надёжные факторы, определяющие ход начинающейся холодной войны? Если да, то каковы неизвестные величины? Фукидид имел в виду такие предсказуемые и совершенно неожиданные вещи, когда 24 века назад предупреждал, что будущее будет похоже на прошлое, но не будет отражать его во всех отношениях – хотя он также утверждал, что величайшая война его времени раскрыла извечные истины, присущие всем грядущим войнам.

Следовательно, наша цель – показать, как величайшая война нашего времени, не перешедшая в горячую фазу – советско-американская холодная война, а также другие более ранние противостояния – могли бы расширить наш опыт и повысить устойчивость в китайско-американском соперничестве, будущее которого, горячее или холодное, остаётся неясным. Эта история задаёт рамки для выживания в условиях неопределённости, а возможно, и для процветания, независимо от того, что нам уготовано в XXI веке.

ПРЕИМУЩЕСТВА ГРАНИЦ

Во-первых, нам известно, что география изменится под действием дрейфа континентов, но этого не произойдёт в ближайшее время. Китай останется преимущественно сухопутной державой, перед которой стоит древняя дилемма. Если в поисках стратегической глубины он попытается расширить свои границы, то, скорее всего, превысит собственные возможности и вызовет сопротивление обеспокоенных соседей. Если, ради обретения устойчивости, Китай сузит свои периметры, его враги могут расценить этот шаг как приглашение к вторжению. Те, кто не имеют установленных границ, не могут спать спокойно даже за высокими стенами.

Соединённые Штаты, напротив, извлекают выгоду из своих границ, которые обусловлены географией. Именно поэтому Великобритания после 1815 г. решила не оспаривать главенство своего «отпрыска» в Северной Америке: содержать армию на удалении пяти тысяч километров от родной земли, преодолевая для этого бескрайние просторы океана, было бы слишком дорого даже для величайшей морской державы мира. География дала американцам гибридную гегемонию: контроль над континентом и беспрепятственный доступ к двум огромным океанам, которые они соединили трансконтинентальной железной дорогой. Это позволило развить военно-промышленную базу, благодаря которой они спасали европейцев в годы Первой и Второй мировых войн, а затем и холодной войны от попыток агрессивных держав взять под контроль весь континент.

Почему же, находясь в столь безопасном положении, американцы возложили на себя такие серьёзные обязательства? Возможно, они посмотрели в зеркало и испугались того, что увидели: примера собственной страны, доминирующей на континенте и на подступах к нему в океанах. Спусковым крючком послужило завершение Россией строительства Транссибирской железной дороги в 1904 г. – скоропалительного проекта, который не был доведён до конца из-за войны и революции. Но ещё раньше британский геополитик Хэлфорд Макиндер выступил со зловещим предостережением о том, что контроль над евразийской периферией со стороны ведущей державы может способствовать появлению новых и амбициозных форм гибридной гегемонии с глобалистскими устремлениями. Президент Вудро Вильсон имел в виду такую перспективу, когда объявил войну имперской Германии в 1917 г., а президент Франклин Рузвельт сделал ещё один шаг вперёд в 1940–1941 гг., настаивая (совершенно справедливо, как сегодня подтверждают историки), что конечной целью Адольфа Гитлера были Соединённые Штаты. Поэтому, когда американский дипломат Джордж Кеннан в 1947 г. призвал «сдерживать» воодушевлённого союзника по Второй мировой войне, Советский Союз, он мог опереться на богатое наследие.

Инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), выдвинутая Си Цзиньпином, вызывает аналогичные опасения. «Пояс» должен

стать сетью железнодорожных и автомобильных коридоров через всю Евразию. «Путь» будет представлять собой морские пути в Индо-Тихоокеанском регионе, а если позволит глобальное потепление, то и в Арктике. Они будут поддерживаться базами и портами в государствах, которые являются дружественными благодаря «выгодам», получаемым ими от ОПОП. Ни немцы, ни русские никогда не пытались сочетать подобные амбиции с такой конкретикой: Китай стремится к гибридной гегемонии в беспрецедентных масштабах. Это приводит нас к первой неизвестной величине: что это может означать для Евразии и всего мира за её пределами?

МИРОВОЙ ПОРЯДОК ОТ СИ

Последние три столетия дают немало примеров балансирования в прибрежных зонах, не позволяющих претендовать на материковое господство: прежде всего это Великобритания, выступившая против Франции в XVIII и в начале XIX века, затем англо-американская коалиция, дважды воевавшая с Германией в первой половине XX века, а во второй половине того же столетия – коалиция во главе с США против Советского Союза. Слишком легко утверждать, что морские державы проецируют свою силу, не встречая сопротивления: если бы это было так, колониализм по-прежнему процветал бы. Но взаимосвязь между географией и господством достаточно очевидна, чтобы быть нашим вторым известным фактом.

Континенты – за исключением Северной Америки – склонны возвращать авторитарные режимы: там, где география не в состоянии установить и закрепить границы, жёсткая рука претендует на право и обязанность их провести, делается ли это во имя защиты от внешних угроз или сохранения внутреннего порядка. Свобода в этих случаях узаконивается сверху вниз, а не развивается снизу вверх. Но это делает такие режимы ответственными за всё происходящее. Они не могут, как это обычно происходит при демократии, перекладывать вину на других. Автократии, которые не справляются с этой задачей – такие как, например, Советский Союз, – рискуют опустошить себя изнутри.

Лидеры Китая после холодной войны, скрупулезно и маниакально изучив советский опыт, стремились избежать его повторения, трансформировав марксизм в потребительский капита-

лизм без одновременной демократизации общества. Тем самым они исправили по своему разумению то, что считали величайшей ошибкой советского президента Михаила Горбачёва: демократизация без обеспечения процветания общества. Это позднейшее «исправление имен» – древняя китайская процедура приведения названий в соответствие с меняющимися реалиями – до недавнего времени казалась успешной. Рыночные реформы Дэн Сяопина, проведённые им после ухода Мао, укрепили режим и сделали Китай образцом для подражания в большей части остального мира. Ожидалось, что Си, придя к власти, продолжит идти этим путём.

Однако он этого не сделал. Вместо этого Си перекрывает доступ к внешнему миру, бросая вызов международным правовым нормам и поощряя дипломатию «воина-волка». Это не те действия, с помощью которых можно завоевать или удержать союзников. У себя на родине Си насаждает ортодоксию, обеляя историю и притесняя меньшинства настолько беспощадно, что этому могли бы поаплодировать давно умершие российские и китайские императоры. И самое важное то, что он пытается добиться изменений в политической линии, отменив ограничения на срок собственных полномочий.

Отсюда наша вторая неизвестная величина: почему Си обращает вспять реформы, отказываясь при этом от дипломатической тонкости, которая в своё время дала возможность Китаю усилиться? Возможно, он боится собственной отставки, хотя этот риск возрастает с каждой новой расправой над соперниками, которых Си сажает в тюрьму или подвергает «партийной чистке». Не исключено, что он осознал: инновации требуют спонтанных действий, но могут также и вдохновлять на них. Вероятно, его беспокоит то, что всё более враждебно настроенные соперники в мире не предоставят ему неограниченного времени для достижения поставленных целей. Ему также может казаться, что господствующая концепция мирового порядка сама по себе противоречит велению Неба, Маркса или Мао.

А вдруг Си видит мировой порядок с авторитаризмом в основе и Китаем в центре? Ожидает, что технологии сделают человеческий разум столь же прозрачным, как спутники делали поверхность Земли во время холодной войны? Он может полагать, что Китай никогда не настроит против себя друзей за рубежом. Или верить,

что нет причин, по которым ожидания внутри Китая перестали бы расти. А Си с возрастом будет набираться мудрости и энергии, внимательнее относиться к деталям, которые только он как верховный лидер способен должным образом проработать.

Но если Си действительно верит во всё это, он уже упускает из виду разрыв между обещаниями и их выполнением, которые давно являются «Ловушкой-22» для авторитарных режимов, из которой они не способны выбраться. Ведь если, как это делали предшественники Горбачёва, игнорировать такие разрывы, они будут лишь усугубляться. Но если признать их, как это сделал Горбачёв, то это подорвёт притязания на непогрешимость, на которых должна зиждиться легитимность автократии. Вот почему изящный выход автократов из этой патовой ситуации – большая редкость.

ИСТОКИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

Демократии в Америке также свойственны определённые разрывы между обещаниями и их выполнением, которые подчас настолько велики, что складывается впечатление, будто эта демократия страдает от паралича подобно Леониду Ильичу Брежневу. Однако Соединённые Штаты отличаются от Китая тем, что недоверие к власти закреплено в их Конституции. Разделение властей обеспечивает центр тяжести, к которому нация может вернуться после любых всплесков активности, связанных с разными кризисами. В результате получается то, что эволюционные биологи называют «прерывистым равновесием» – устойчивость, основанная на быстром восстановлении после непредвиденных обстоятельств. В Китае всё как раз наоборот. Уважение к власти пронизывает всю его культуру, но стабильность сменяется затяжными потрясениями, когда власть не справляется с вызовами. Восстановление, при отсутствии надёжного центра притяжения, может занять десятилетия. Автократии часто выигрывают спринт, но умные инвесторы ставят свои деньги на демократии, когда речь идёт о марафонской дистанции. Итак, третья известная причина – это резко различающиеся корни или истоки жизнестойкости.

Данная закономерность чётко прослеживается на примере двух самых дорогостоящих гражданских войн девятнадцатого века. Восстание тайпинов в 1850–1864 гг. стоило жизни почти 20 млн

китайцев, то есть погибло пять процентов населения страны. Американская гражданская война 1861–1865 гг. унесла жизни 750 тыс. её участников, или два с половиной процента населения страны с гораздо меньшей плотностью населения. По свидетельству нынешних лидеров, Китай после восстания тайпинов пережил десятилетия потрясений, из которых вышел только после того, как Мао в 1949 г. провозгласил Народную Республику. Соединённые Штаты, согласно тому же описанию, достаточно быстро оправились, чтобы присоединиться к европейским хищникам, жертвой которых Китай стал в конце девятнадцатого века, и с тех пор они продолжали высасывать из него все соки. Оставим в стороне вопрос о точности такого взгляда на историю. Наша точка зрения заключается в том, что растущая зависимость Си от этого дискурса и разжигаемого им национализма предполагает наличие в китайской культуре очага возгорания, который в настоящее время полезен режиму, но который, возможно, не так-то просто будет погасить.

Отсюда вытекает третья неизвестная величина: сможет ли Си так же умело воспламенять и гасить народный гнев, как это неоднократно делал Мао в годы пребывания у власти? Или Си попадёт в ту же ловушку зависимости от внешней враждебности, без которой Иосиф Сталин, как выразился Кеннан в 1946 г., не знал, как управлять страной? Поскольку ничто не могло успокоить такой режим, настаивал Кеннан, только накопившиеся разочарования могли бы убедить Сталина или, что более вероятно, его преемников в том, что в их интересах изменить худшие стороны своего строя. Однако успех этой стратегии зависел от отказа сторон определять жёсткие сроки: Кеннан всегда отмечал, что она никогда бы не сработала с Гитлером, который установил собственный график, исходящий из понимания того, что он сам смертен, для достижения своих целей.

Мао довольно хитро дал своему режиму 100 лет на возвращение Тайваня. Си исключил передачу этой проблемы из поколения в поколение, но пока не определил дату её решения. Тем не менее его всё более агрессивная риторика увеличивает риск, что тайваньский вопрос может привести к перерастанию китайско-американской холодной войны в горячую фазу, поскольку Соединённые Штаты намеренно напускают много тумана в свою тайваньскую политику.

ку. Всё это пугающе напоминает то, как в 1914 г. начиналась война в Европе: двусмысленность обязательств великих держав в сочетании с отсутствием выключателя возможной эскалации.

ЕЩЁ ОДИН ДЛИТЕЛЬНЫЙ МИР?

Если во время холодной войны происходили интервенции, то как этот конфликт трансформировался в «длительный мир»? В первой половине двадцатого века идея о том, что соперничество великих держав может быть разрешено мирным путем, не находила поддержки. «Будущая война с Советской Россией, – предсказывал в 1945 г. американский дипломат Джозеф Грю, – настолько неизбежна, насколько может быть неизбежным что-либо в этом мире». Что позволило сверхдержавам времён холодной войны избежать такой перспективы, и насколько актуальны эти обстоятельства сегодня?

Один из ответов заключается в том, что сама история в те годы стала пророчеством. Зная то, что большинство лидеров пережили во Второй мировой войне, мало кто хотел рисковать третьей. Помогло и то, что Вашингтон и Москва, пусть и по разным причинам, считали время своим союзником. Американцы – потому что для реализации стратегии сдерживания нужно было время, чтобы помешать советским амбициям. А Сталин – потому что рассчитывал, что рано или поздно должны начаться братоубийственные войны между капиталистическими странами, которые обеспечат победу пролетарской революции. Когда преемники Сталина осознали масштабы его просчётов, было уже слишком поздно обратить вспять их последствия. Советский Союз так и не сумел наверстать упущенное.

Но что, если решимость избежать следующей войны исчезнет вместе с воспоминаниями о прошлой? Именно так некоторые историки объясняют Первую мировую войну: прошло столетие без большой европейской войны. Имеет ли значение тот факт, что три четверти века отделяют американских и китайских лидеров от великих войн их предшественников? Американцы имеют некоторый боевой опыт участия в «ограниченных» и «низкоинтенсивных» конфликтах с явно неоднозначными последствиями, но китайцы, если не считать их короткого вторжения во Вьетнам в 1979 г., не вели никаких значительных войн более полувека. Возможно, имен-

но поэтому Си с его риторикой «разбитых в кровь голов» и одами воинственности, кажется, плохо понимает, насколько высокой может быть цена таких авантюр.

Второй фактор, с помощью которого историки объясняют «длительный мир», заключается в том, что ядерное оружие подавляет оптимизм в отношении того, чем могут закончиться войны. Невозможно знать наверняка, что именно сдерживало соперничавшие стороны во времена холодной войны: это история, которой не было. Но сам по себе такой мир свидетельствует об отсутствии решимости с обеих сторон: что бы ни говорили публично советский премьер Никита Хрущёв и президент США Джон Кеннеди, ни тот, ни другой не хотели умирать за Берлин. Вместо этого они согласились с разделённым стеной городом внутри разделённой страны в центре разделённого континента. Ни один великий замысел не мог бы привести к такому курьёзу, и всё же эта ситуация сохранялась до тех пор, пока холодная война не завершилась мирно и неожиданно. Этого не могло бы произойти без ядерного потенциала, поскольку только угроза ядерного удара могла поставить на карту жизни людей одновременно в Вашингтоне и Москве.

А что можно сказать о Вашингтоне и Пекине? Даже с учётом последних усовершенствований китайцы имеют менее десяти процентов того количества ядерных боеголовок, которыми располагают Соединённые Штаты и Россия, и это число составляет лишь пятнадцать процентов от того, что было у двух сверхдержав в разгар холодной войны. Имеет ли это значение? Сомнительно, если вспомнить, чего добился Хрущёв в 1962 г.: несмотря на то что Советы уступали один к девяти в ядерном арсенале, его хватило, чтобы сдержать высадку американцев на Кубу в заливе Кочинос, которую планировал Кеннеди. С тех пор США живут с аномалией в непосредственной близости от своих границ: коммунистическим островом посреди самопровозглашённой зоны влияния в Карибском бассейне.

Ещё менее правдоподобным кажется то, что США используют в наши дни ядерное оружие для защиты Тайваня, поскольку этот остров имеет для Пекина большее значение, чем Куба или Берлин для Москвы. Однако эта неправдоподобность может заставить Си поверить в то, что он может вторгнуться на Тайвань без риска

ядерного ответа со стороны США. Растущие кибер- и противоспутниковые возможности Китая также могут его воодушевить, поскольку возвращают возможность внезапных атак, которая, как казалось на протяжении десятилетий, существенно уменьшилась в связи с революцией в разведке времён холодной войны.

Но что потом? Что Си будет делать с Тайванем, если он его захватит? Это не Гонконг, который легко удерживать под контролем. Это и не Крым, где большая часть населения согласилась с оккупацией. Да и другие крупные острова в регионе – Япония, Филиппины, Индонезия, Австралия и Новая Зеландия, – это не шаткие игральные кости. А Соединённые Штаты с их непревзойдёнными возможностями проецирования силы, скорее всего, не будут «сидеть сложа руки», как могут выразиться китайцы: «двусмысленность» означает право выбора возможной реакции, а не исключение любого ответа вообще.

Выборы, конечно, являются тупым инструментом. Но это лучше, чем не иметь никаких средств пересмотра, кроме кончины престарелых автократов.

Одним из таких ответов может быть использование перенапряжения, возникающего в результате насильственного расширения Китаем своих границ, – искусственно созданной проблемы, которая когда-то мучила Москву. Подавление «Пражской весны» было достаточно простым делом для Советского Союза в 1968 г. до тех пор, пока моральный дух военных не упал после того, как чехи дали понять оккупантам, что не чувствуют себя «освобождёнными». Доктрина Брежнева – обязательство действовать аналогичным образом везде, где «социализм» может оказаться под угрозой – больше напугала, чем успокоила лидеров других подобных государств, в частности Мао, который в 1971 г. втайне начал планировать «открытие дверей» для Вашингтона. К тому времени, когда Советский Союз вновь обратился к этой доктрине в 1979 г., вторгнувшись в Афганистан, у него осталось мало союзников, и не было никого, на кого можно было бы положиться.

Угрозы Си в адрес Тайваня могут также подействовать на окружающие Китай государства, которые, в свою очередь, начнут искать собственные способы «открыть двери» для Вашингтона.

Сумасбродные притязания Китая в Южно-Китайском море уже усилили беспокойство в этом регионе: свидетельством тому является неожиданное объединение Австралии с американцами и британцами по вопросу о ядерных подводных лодках, а также расширение сотрудничества Индии с союзниками в Индо-Тихоокеанском регионе. Жители Центральной Азии не могут бесконечно игнорировать репрессии в отношении тибетцев и уйгуров. Долговые ловушки, деградация окружающей среды и обременительные условия погашения долгов отталкивают потенциальных получателей «выгод» от «Пояса и Пути». А Россия, которая в начале XX века была источником опасений по поводу «евразийского материка», теперь может оказаться в окружении китайских «окраин» в Азии, Восточной и Юго-Восточной Европе и даже в Арктике.

Всё это повышает вероятность того, что американский однополярный мир может закончиться не шаткой и неустойчивой китайско-американской биполярностью, а многополярностью, ограничивающей Пекин и обрекающей его самонадеянные действия на провал. Меттерних и Бисмарк такое одобрили бы. Так же как и хитроумный американский стратег эпохи холодной войны, который, следуя их примеру, надеялся на действенность аналогичных методов. «Я думаю, что мир будет безопаснее и лучше, – сказал президент Ричард Никсон журналу *Time* в 1972 г., – если у нас будут сильные, здоровые Соединённые Штаты, Европа, Советский Союз, Китай, Япония, и каждая из этих стран будет уравнивать другие страны».

СЮРПРИЗЫ В АССОРТИМЕНТЕ

Последнее, что нам известно, – это неизбежность сюрпризов. Международные системы анархичны, говорят нам теоретики, поскольку ни один компонент в них полностью не контролируется. Стратегия может уменьшить неопределённость, но никогда не устранил её: люди ошибаются, и искусственный интеллект тоже может ошибиться. Тем не менее существуют закономерности конкуренции во времени и пространстве. Из них можно вывести категории неожиданностей, возможных в китайско-американской холодной войне, особенно учитывая опыт советско-американской.

Экзистенциальные сюрпризы – это сдвиги в сферах соперничества великих держав, за которые ни одна из них не несёт ответственности, но которые угрожают им обеим. Президент США Рональд Рейган имел это в виду, когда удивил Горбачёва во время их первой встречи в 1985 г., заявив, что вторжение марсиан заставит Соединённые Штаты и Советский Союз урегулировать свои разногласия за одну ночь: разве ядерное оружие не было по меньшей мере столь же опасно? Марсиане ещё не прилетели, но мы столкнулись с двумя новыми экзистенциальными угрозами: ускоряющимся темпом изменения климата и почти мгновенной вспышкой глобальной пандемии в 2020 году.

Ни то, ни другое не является беспрецедентным. Климат всегда менялся, поэтому раньше можно было пройти пешком от Сибири до Аляски. Фукидид описал чуму, поразившую Афины в 430 г. до нашей эры. Новым является ускорение этих явлений с началом глобализации, что делает актуальным вопрос о том, смогут ли геополитические соперники сообща решать исторические проблемы, которые всё больше меняют их восприятие действительности.

Советско-американская холодная война показала, что сотрудничество во избежание катастрофы не обязательно должно быть явным: ни один договор не предусматривал, что ядерное оружие после 1945 г. не будет вновь применяться в войне. Вместо этого экзистенциальные опасности привели к негласному сотрудничеству там, где формальные переговоры почти наверняка потерпели бы неудачу. Изменение климата может предоставить аналогичные возможности в китайско-американской холодной войне, даже если *COVID-19* до сих пор подстёгивал только резкую реакцию со стороны китайцев. Смысл в том, чтобы сохранять способность совместного решения общих для всего человечества вызовов, аналогичных вторжению марсиан. Это не значит, что нужно приветствовать экзистенциальные проблемы, но необходимо изучать, могут ли они привести к совместному поиску оптимального решения.

Преднамеренные сюрпризы – следствие попыток отдельных конкурентов напугать, сбить с толку или обескуражить неприятеля. Внезапные атаки, как в Пёрл-Харборе, подходят под эту категорию – и никогда нельзя исключать провалы разведки. Самые большие сюрпризы холодной войны, однако, возникали вслед-

ствие смены полюсов, в чём Мао был большим мастером. Когда он склонился на восток в 1949–1950 гг., то дезориентировал администрацию Трумэна, открыв путь к Корейской войне и коммунистическому наступлению в Азии. Когда же он взял крен на запад в 1970–1971 гг., то сделал Соединённые Штаты своим союзником, вследствие чего Советский Союз стал уязвимым на двух фронтах, и от этого он так до конца и не оправился.

Вот почему «открытие» американцев для Москвы может однажды настроить её против Пекина. Первоначальный китайско-советский раскол занял два десятилетия, причём администрация Эйзенхауэра стремилась ускорить этот процесс, поощряя взаимную неприязнь между Мао и Хрущёвым. ОПОП, продвигаемая Си, может привести к напряжению в отношениях с российским президентом Владимиром Путиным, который давно жалуется на «сдерживание» России со стороны США. Китайское «сдерживание», с точки зрения Кремля, в итоге может стать более серьёзной угрозой.

Преднамеренные сюрпризы способны также преподнести страны, от которых ждут подчинения, но которые могут вести себя иначе. Ни Вашингтон, ни Москва не хотели островных кризисов 1954–1955 и 1958 гг.: Чан Кайши в Тайбэе и Мао в Пекине сделали так, что они случились. Предупреждения коммунистического лидера Вальтера Ульбрихта о неизбежном крахе Восточной Германии заставили Хрущёва спровоцировать Берлинские кризисы 1958–1959 и 1961 годах. Малые державы, преследующие собственные цели, сорвали советско-американскую разрядку в 1970-е гг.: Египет напал на Израиль в 1973 г., Куба вмешалась в дела Африки в 1975–1977 гг., а контакты Хафизуллы Амина с официальными лицами США привели к советскому вторжению 1979 г., ставшему предвестником упадка СССР. Однако всё это не было беспрецедентным: Фукидид продемонстрировал, что Коринф и Коркира делали нечто подобное со спартанцами и афинянами за 24 века до этих событий.

В китайско-американской холодной войне уже просматривается возможность того, что хвост станет вилять собакой: рост напряжённости в Тайваньском проливе – результат изменений в политике Тайбэя последних лет в той же степени, что и преднамеренных решений Вашингтона или Пекина. И хотя Китай пытается с помощью ОПОП создать систему, которая максимально увеличит

его мощь, в итоге он рискует получить, благодаря своим отношениям с небезопасными и нестабильными режимами, именно такую обратную зависимость, которая беспокоила сверхдержавы в годы холодной войны. Это потенциальная формула нестабильности: история полна примеров, когда местные игроки втягивали в конфликт более крупные державы.

Наконец, есть и системные сюрпризы. Холодная война закончилась так, как никто в то время не ожидал: внезапным крахом сверхдержавы и сопутствовавшей ей идеологии. Однако двумя провидцами, предполагавшими такую возможность, были основатели этой доктрины в середине XIX века – Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Капитализм, не сомневались они, в итоге уничтожит сам себя, поскольку создаёт слишком большой разрыв между средствами производства и распределяемыми благами. Столетие спустя Кеннан перевернул постулат Маркса и Энгельса с ног на голову. Разрыв между средствами производства и распределяемыми благами, настаивал он в 1946–1947 гг., приведёт к краху коммунизма в Советском Союзе и странах-сателлитах после Второй мировой войны. Кеннан не приветствовал то, что в итоге произошло в 1990–1991 гг.: распад самого Советского Союза был слишком резким нарушением баланса сил даже для него. Но он понимал, как стрессы внутри обществ могут сами по себе сильно удивлять.

Никто не в силах предсказать, когда произойдёт новое геополитическое землетрясение: даже геологические землетрясения сложно предугадать. Однако геологи знают, где их можно ожидать: именно поэтому Калифорния, а не Коннектикут получает предупреждения о землетрясениях. Неужели сама хрупкость авторитарных режимов – их странная вера в бессмертие командно-административных структур, выстроенных сверху вниз – делает их столь же уязвимыми? Или укоренившаяся непокорность демократий – их нежелание подчиняться командам извне – представляет для них ещё большую опасность? Только время это покажет и, возможно, раньше, чем мы ожидаем.

СТРАТЕГИЯ И НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ

Совокупность известных и неизвестных факторов, а также сюрпризов оставляет нам исторический эквивалент задачи трёх тел:

с учётом сосуществования предсказуемости и её противоположности, мы узнаём результат только тогда, когда его увидим. Однако стратегия не терпит отлагательств. Для её успеха необходимо жить в условиях неопределённости, которой в будущем будет немало. Стратегия сдерживания, хотя и несовершенная в своих достижениях и подчас трагическая в своих неудачах, успешно справилась с присущими ей противоречиями, выгадав время, необходимое, чтобы противоречия внутри советской системы стали очевидными даже для её лидеров. Это удалось прежде всего благодаря сочетанию простоты замысла и гибкости в его применении, поскольку даже самые чёткие цели не всегда или даже нечасто указывали путь их достижения. Например, на определённом этапе потребовалось сотрудничество со Сталиным ради победы над Гитлером и с Тито для противостояния Сталину, а также с Мао для запутывания Брежнева: не всякое зло одинаково во все времена. Нарращивание вооружений не всегда плохо, а переговоры не всегда благо: Эйзенхауэр, Кеннеди, Никсон и Рейган использовали и то, и другое, чтобы начать трансформацию противостоящих им противников. Кеннан не доверял такой эластичности в стремлении к сдерживанию, но именно эта манёвренность обеспечила безопасное прикрытие стратегии в намеченный пункт назначения.

Второй способ сдерживания преуспел потому, что спонтанность действий считалась силой. Организация Североатлантического договора была в равной степени как европейским, так и американским проектом, что разительно отличалось от соперничавшего с ней Варшавского договора, в котором доминировала Москва. За пределами Европы Соединённые Штаты не настаивали на идеологическом единообразии среди своих друзей. Ставилась совсем иная задача: сделать многообразие оружием против неприятеля, стремившегося подавлять его, использовать сопротивление единообразию, заложенное в разных историях, культурах и верованиях, в качестве барьера против обезличенных амбиций мнимых гегемонов.

Третьим активом, хотя в то время он не всегда казался таковым, был американский избирательный цикл. Четырёхгодичные стресс-тесты сдерживания нервировали его архитекторов, расстраивали сочувствующих экспертов и вызывали тревогу у заокеанских со-

юзников, но они, по крайней мере, защищали от косности. Ни одна долгосрочная стратегия не может быть успешной, если позволяет стремлениям опережать возможности или возможностям – искажать изначальные устремления. Но как стратеги развивают самоанализ и достаточную уверенность в себе, чтобы признать, что их идеи не работают? Выборы, конечно, являются тупым инструментом. Но это лучше, чем не иметь никаких средств пересмотра, кроме кончины престарелых автократов, время ухода которых из этого мира не дано знать их последователям.

В Соединённых Штатах нет исключительно иностранных дел. Поскольку американцы открыто и явно провозглашают свои идеалы, отступления от них сильно бросаются в глаза. Такие внутренние неудачи, как экономическое неравенство, расовая сегрегация, сексуальная дискриминация, деградация окружающей среды и внеконституционные эксцессы на высшем уровне, — всё это США выставляют на обозрение всего мира. Как отметил Кеннан в самой знаменитой своей статье, «демонстрация нерешительности, разобщённости и внутренней дезинтеграции внутри этой страны» может «обрадовать» внешних врагов. Поэтому для защиты своих внешних интересов «Соединённым Штатам нужно лишь соответствовать своим лучшим традициям и доказать, что они достойны сохранения в качестве великой нации».

Легко сказать, да нелегко сделать, и в этом кроется главное испытание для США в их соперничестве с Китаем: требуется кропотливое управление внутренними угрозами нашей демократии, а также терпимость к нравственным и геополитическим противоречиям, с помощью которых можно наиболее эффективно защищать многообразие в мире. Изучение истории – лучший компас, который у нас есть для движения к будущему – даже если оно окажется не таким, как мы ожидали, и во многих отношениях приведёт к неожиданным и непредвиденным результатам.